

Глава 31. Триумф на дворцовом экзамене, или Как сорвать коричную ветвь в лунном тереме (Часть I)

В прошлый раз наши юноши — Цзя Чжу и Линь Сююй — провели полдня на празднестве в поместье принца Цзиня, из-за чего так и не удосужились открыть книги. Разумеется, на следующее утро они спозаранку поспешили в усадьбу Линь, дабы предстать перед господином Шао. К тому же после вчерашней встречи с легендарным старшим соучеником его душу бередили сомнения, и ему не терпелось расспросить обо всём учителя.

Едва поздоровавшись, Цзя Чжу без обиняков перешёл к делу:

— Учитель, вчера мы с братом Юем пировали в поместье принца Цзиня и повстречали там одного весьма почтенного гостя. Вы у нас мудрец проницательный, так не угадаете ли, кто это был?

Шао Инлинь с любопытством взглянул на ученика:

— Твой учитель не всеведущ. Неужто это кто-то из моих старых знакомых?

Сююй поспешил ответить за названного брата:

— Это был второй молодой господин Хоу.

Инлинь мягко улыбнулся:

— Ах, стало быть, вы встретились с Хуа-эром...

Цзя Чжу притворно надулся:

— Эх, учитель, нехорошо вышло! До сей поры вы нам и словом об этом не обмолвились. Мы и ведать не ведали, что у вас есть столь блистательный ученик, принесший такую славу вашей обители. Если бы не добрые люди, мы бы так и пребывали в неведении, что второй молодой господин Хоу — наш старший соученик! Знай я об этом раньше, Чжу-эр хвастался бы на каждом углу, что делит учителя с самим победителем прошлых экзаменов. Вот бы весу мне прибавило в обществе!

Шао Инлинь весело рассмеялся:

— И давно ли мой Чжу-эр стал тщеславным юношей, любящим греться в лучах чужой славы?

— Чужая слава мне без надобности, — парировал Цзя Чжу, — а вот погреться в лучах славы

нашего почтенного учителя — дело угодное. Но всё же, почему вы таили от нас Хуа-эра?

— Дела давно минувших дней, к чему о них попусту толковать? — Шао Инлинь покачал головой. — Когда я только прибыл в столицу, кошелёк мой был пуст. Волей-неволей пришлось наниматься домашним учителем в знатные дома, дабы прокормиться. Ныне покойный гун рода Сю был моим давним приятелем, вот я и обосновался в его усадьбе. Хуа-эр тогда был совсем дитя, но в нём уже угадывалась редкая искра. Сами звёзды предначертали ему стезю великого книжника. Я сделался его наставником, толковал ему каноны и летописи. Старый гун слыл человеком широких взглядов, не требовал от внука лишь бездумного зазубривания ради чинов, оттого и преподавать мне было в радость. Несколько лет я провёл в усадьбе Хоу, а после вновь покинул столицу. К счастью, Хуа-эр оправдал надежды: взошёл на вершину славы, стал первым на экзаменах. Теперь он служит в Академии Ханьлинь — должность чистая, почётная, при его-то происхождении да под покровительством вельмож... Моя душа за него спокойна.

Цзя Чжу с любопытством подался вперёд:

— Учитель, а если сравнить его таланты с дарованием брата Юя, кто окажется выше? Вы бы знали, как наш Сюйюй помрачнел, услышав, что второй молодой господин Хоу превзошёл его славой, да ещё и взял первенство сразу на двух экзаменах — на звание чжуаньюаня и на испытании «Великого слога»! Ревность так и разыгралась.

Шао Инлинь покачал головой и усмехнулся:

— Оба они отмечены печатью небесного покровительства, и таланты их рассудить трудно. Оба горды до крайности, оба знают себе цену. Но если Сюйюй по природе своей безудержен, скор на чувства и упрям, то Хуа-эр — ледяной гордец. Он взирает на мир с такой высоты, что мало кто достаивается его взгляда. Оттого он чужд мирской суете, холоден и отстранён. В словесных спорах Сюйюй берёт неудержимым потоком вдохновения, тогда как слог Хуа-эра — безупречный образец строгого мастерства. Пожалуй, на дворцовом экзамене Сюйюй превзойдёт его, но ежели дело коснётся утончённого канонического слога — тут перевес окажется на стороне Хуа-эра.

— Истинная правда! — согласился Цзя Чжу. — Никто лучше вас не разглядит человеческую суть. — Он повернулся к Сюйюй и легонько подтолкнул его плечом: — Ну что, брат Юй, вот тебе и цель. Твой талант ничуть не уступает его дару. И если ты не добудешь лавров, подобных его триумфу, то выйдет, что ты ему проиграл.

Сюйюй промолчал, но он стал непривычно суров. Цзя Чжу мысленно охнул, поняв, что друг принял эти слова слишком близко к сердцу. Неужто теперь костью ляжет, а первого места не уступит? С того самого дня Сюйюй лишился покоя: учился ночи напролёт, позабыв про сон и отдых. Впрочем, об этом мы пока умолчим.

Весна следующего года

Зима миновала, уступив место весеннему теплу, а вместе с весной пришла пора столичных экзаменов — хуэйши. Это испытание не шло ни в какое сравнение с прежними: теперь в столице сошлись лучшие умы со всех провинций Поднебесной. Экзамены проходили в палатах Шунтяньфу под надзором Министерства ритуалов. Испытание делилось на три тура — девятого, двенадцатого и пятнадцатого числа второго месяца. Девять дней непрерывного напряжения.

Экзаменационные палаты располагались неподалёку от усадьбы Линь, поэтому Цзя Чжу решил провести ночь накануне испытаний там. Ещё с обеда восьмого числа он приготовил всё необходимое. Для него это было уже не первое испытание, а потому в душе царил олимпийское спокойствие. Перед уходом он обошёл все покои поместья Жунго, чтобы попрощаться с родными, ведь ему предстояло покинуть дом на долгие дни.

Сперва он заглянул к матушке Цзя. Старая госпожа тут же сжала его в объятиях, запричитала, называя своим ненаглядным сокровищем, и сквозь слёзы твердила, что её внук непременно вернётся с победой. Ей так не хотелось отпускать его! Она плакала от жалости к Чжу-эру, которому предстояло столько дней терпеть лишения в холодной келье. Чжу пришлось долго и терпеливо утешать её.

«Старики — те же дети, — с улыбкой подумал он. — Лаской да уговорами их только и возьмёшь».

От матушки Цзя он направился в кабинет Мэнпо к отцу. Для Цзя Чжэна эти экзамены были решающей битвой, венцом многолетних надежд. Если сын пройдёт эти последние два шага, заветная мечта всей его жизни наконец исполнится. Неудивительно, что Цзя Чжэн встретил сына широкой улыбкой, а он смотрел с непривычным теплом и гордостью. Он долго давал наставления, а после велел слугам, Жуньби и Чжэн Вэню, принести дорожный ларец и лично перерыл все вещи, проверяя, ничего ли не забыли.

Видя его суету, Чжу решил, что должен успокоить отца.

— Батюшка, не извольте беспокоиться. Хоть Чжу-эр и не смеет утверждать, что победа у него в кармане, но долей уверенности в успехе он обладает немалой. Из десяти долей восемь или девять — за нами.

Цзя Чжэн расплылся в улыбке, потирая руки от удовольствия:

— Раз ты уверен, то и мне спокойнее. Ступай с богом, ступай.

Дав ещё пару напутствий, он отпустил сына к супруге.

У себя в покоях госпожа Ван привычно прижала сына к груди, лаская его и шепча нежные слова. В его успехе она несколько не сомневалась, лишь тихо наставляла беречь себя и не волноваться попусту. Сама же она пообещала день и ночь молиться перед алтарём Будды,

прося небеса о милости к её ненаглядному дитя.

Поскольку второму брату Цяню — Цяньсяню — надлежало ехать в усадьбу Янь для упражнений в верховой езде и стрельбе из лука, Чжу решил взять с собой в поместье Линь только Чжэн Вэня и Жуньби. Однако братья Цянь близко к сердцу принимали всё, что касалось экзаменов, и искренне желали Чжу успеха. Цяньсянь даже выхлопотал себе освобождение от занятий на этот день, заявив, что непременно должен проводить друга до ворот экзаменационных палат — хотя бы ради того, чтобы проникнуться духом этого великого дня и приобщиться к славе будущих учёных мужей.

Простившись с домашними, Цзя Чжу сел в экипаж и покатил к Линям. Прибыв на место, он первым делом засвидетельствовал почтение соляному комиссару Линь Хаю и его супруге Цзя Минь, а затем поспешил во флигель господина Шао, где его уже ждал Сююй.

Столичный экзамен хуэйши решал всё. Те, кто выдерживал его и получал звание гунши, автоматически допускались к дворцовому испытанию, где кандидатов уже практически не отсеивали — там лишь определялось их итоговое место в табели о рангах. Оттого даже всегда невозмутимый Шао Инлинь на сей раз отнёсся к делу со всей строгостью и долго наставлял обоих учеников, раскрывая тонкости предстоящей борьбы.

Около пяти часов вечера в доме подали ужин. Цзя Минь вместе с Дайюй остались в женской половине усадьбы, тогда как Линь Хай велел накрыть постный стол в павильоне Эньцин. Он пригласил отобедать господина Шао, молодого господина Су Цзэцзиня, а также Чжу и Сююя. Во время трапезы Линь Хай, как умудрённый опытом чиновник, некогда сам прошедший этот путь, щедро делился советами и подбадривал юношей. Даже неразговорчивый Цзэцзинь вымолвил несколько тёплых напутствий. Едва ужин подошёл к концу, старшие отпустили молодых людей отдыхать.

Оставшись наедине в спальне, Чжу сразу заметил перемену в друге. Перед прошлыми экзаменами Сююй так и лучился нетерпением, рвался в бой с велёлым азартом гения, жаждущего доказать своё превосходство над серой массой. Теперь же он был непривычно тих и задумчив. Казалось бы, чем выше ставки, тем сильнее должен разгораться его пыл. Однако, поразмыслив, Чжу понял, в чём крылась причина этой робости.

Когда служанки Сюэлянь и Цуйлянь помогли им умыться и юноши наконец легли в постель, Чжу повернулся на бок, мягко обнял Сююя за плечи и негромко спросил:

— Что с тобой, брат Юй? Неужто тревога спать не даёт?

Сююй прижался к нему крепче и тихо выдохнул:

— Да.

— На тебя совсем не похоже.

—...

— Не требуй от себя невозможного, — продолжил Чжу. — Неужели с твоим-то умом тебе стоит страшиться соперничества с кучкой узколобых начётчиков, не способных связать и пары живых слов?

—...

— Я ведь знаю, что ты спишь и видишь, как затмить второго молодого господина Хоу, — мягко укорил его Чжу. — Но если ты возведёшь эту цель в абсолют, то растеряешь собственную лёгкость. Стоит ли оно того?

—...

— Послушай моего совета, — прошептал Чжу. — Забудь про Хоу Сяохуа. Забудь про его двойное первенство и славу первого столичного пиита. Представь, что экзаменационные палаты — это всего лишь подмости, где тебе суждено сыграть свою лучшую роль. Покажи миру свой истинный блеск, и коричневая ветвь лунного терема сама упадёт в твои руки, а золотой карп обратится драконом.

Сюй невольно улыбнулся и перевёл на него взгляд:

— Прежде перед каждым испытанием дрожал и лишался сна наш Чжу-эр. С чего бы сегодня всё переменилось, и ты взялся меня поучать?

— Твой Чжу-эр нынче обрёл душевный покой, — усмехнулся Чжу. — На этих экзаменах мне довольно будет просто получить звание гунши. Великих притязаний у меня нет, а уж на дворцовом испытании, коли будет на то воля неба, я покажу всё, на что способен.

Сюй промолчал, задумчиво глядя в темноту, а затем негромко заговорил совсем о другом:

— С того дня, как мы переступили порог школы, мы всегда были вместе. Делили дни и ночи, вместе внимали урокам учителя. Вот и теперь рука об руку идём на главное испытание, чтобы в будущем вместе войти в Академию Ханьлинь и занять места у престола... Столько лет пролетело, а наша дружба крепка как никогда. Если подумать, не будь тебя рядом все эти годы, учение показалось бы мне невыносимо скучным, а долгие часы над свитками — безрадостными.

Эти слова всколыхнули в груди Чжу лавину нежности и той тайной, горькой любви, которую он так долго прятал от всего мира. Он затаил дыхание и тихо спросил:

— Если так... хотел бы ты, брат Юй, пройти со мной весь жизненный путь, никогда не расставаясь?

Сююй, не уловив скрытого трепета в его голосе, ответил без долгих раздумий:

— Мы столько лет делили кров и пищу, став ближе кровных братьев. С чего бы нам теперь расходиться в разные стороны?

Чжу долго молчал, сглатывая подступивший к горлу ком, и наконец тихо вымолвил:

— Вот как... Что ж, это прекрасно.

Сююй, не заметив его печали, лишь поплотнее укутался в одеяло, прижался к Чжу и вскоре мирно заснул. А он ещё долго вглядывался в его спящее лицо в полумраке спальни, сокрушаясь в безмолвной тоске.

«Понимаешь ли ты, о чём я прошу на самом деле? — думал он, глядя на ровное дыхание юноши. — И если бы понял... согласился бы остаться со мной навсегда?»

<http://bllate.org/book/18221/1760645>